

С 91-3

548а

Михаил КАПУСТИН

КОНЕЦ УТОПИИ?

Прошлое
и будущее
социализма

Новости

Москва, 1990

Дом Писанова

№ 967 / К

истории, в свете которой предстанут и великие личности, призванные тем или иным историческим процессом.

Поэтический образ Истории как «реки времени» не противоречит и научному подходу к революционной стратегии и политике. Так, Ленин говорил: «Наша задача заключается не в том, чтобы плыть вместе с течением...» (*Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 25*).

Развернем этот образ в картину пространства, «грозящего» гигантский поток могучей реки событий (объективные силы), по которой к неведомому устью будущего плывут и по обоим берегам которой движутся народы (субъективный фактор).

Иные далеко отходят от фарватера и надолго пропадают где-то в засушливых степях или нескончаемых лесах, а потом все-таки выбираются по мелким притокам к главному течению; иные и вовсе могут отстать, осесть и никуда не двигаться.

Другие просто плывут по течению на плотках или баржах.

Христианская философия истории, просуществовавшая около двух тысяч лет, и в XX веке смотрит на историю **эволюционно**, не расставаясь в то же время с **предопределением**. Конечно, это уже не античная трагедия Рока с его жесткой предопределенностью, но и у Христа, в сущности, как бы не остается выбора, хотя, будучи и человеком тоже, он молил об избавлении от предстоящих крестных мук и смерти:

Чтоб эта чаша смерти миновала,
В поту кровавом Он молил Отца...
...Но книга жизни подошла к странице,
Которая дороже всех святых,
Сейчас должно написанное сбывться (!)
Пускай же сбудется оно, аминь!

Это по части **предопределения**, смысл которого не изменился в своей сущности и у современных интерпретаторов, в том числе и такого философско-поэтического, как Борис Пастернак.

А теперь по части **эволюционного** процесса, который завершается так:

Я в гроб сойду и в третий день восстану,
И, как сплавляют по реке плоты,
Ко мне на суд, как баржи каравана,
Столетия поплывут из темноты.

Б. Пастернак

Для марксистов же, наоборот, с самого начала задача была «не в том, чтобы плыть вместе с течением». Они **«шаводят мосты» революции через реку эволюции**, не дожидаясь «плава столетий», и энергично переходят по ним, когда считают нужным, всем народом на другой берег; наконец, если направленные течения не отвечает общим идеалам или, как им кажется, «природе вещей», они пытаются повернуть реку событий, подготовив новое русло...

Но ведь это бурное, стремительное движение человеческого потока по сознательному маршруту должно быть прежде пробуждено от вековой спячки (разбужена та самая «случайность» субъективного фактора, что «спит, клубком свернувшись, в глубинах каждого явления»), нацелено, вдохновлено, вовлечено **авторитетом Личности**, идушей впереди, и авангардом, группой лиц, окружающих ее — звезду первой величины, — подобно лучезарному созвездию (партией).

Уместно вспомнить здесь, как начиналось такое движение по изменению привычного русла национальной истории в России, и вспомнить первую из той серии попыток (ибо серий было несколько: анархисты, народники, террористы и др.), что, действительно, привела к поразительному результату.

Плеханов—Ленин

Таким единственно протяженным в будущее начинанием явилось восприятие социалистической теории Маркса 25-летним Георгием Плехановым, бывшим юнкером-артиллеристом, бывшим студентом-химиком, наконец, бывшим бакунистом и народником.

В 1881 году он берется за перевод «Манифеста Коммунистической партии». Через П. Л. Лаврова, хорошо знакомого с Карлом Марксом, Плеханов передает свою просьбу Марксу написать специальное предисловие к русскому изданию «Манифеста», что и было исполнено.

Плеханов становится марксистом, первым русским марксистом (по собственному определению); с 1882 года под его прямым влиянием марксизм освоили и приняли другие руководители группы «Черный передел» — В. Засулич, П. Аксельрод, Л. Дейч (Вере Засулич Энгельс вскоре предоставил право перевода всех своих произведений на русский).

Будучи автором двух первых русских марксистских книг —

«Социализм и политическая борьба» (1883 г.) и «Наша разногласия» (1885 г.), Плеханов вместе с Аксельродом едет в Лондон к 70-летнему Энгельсу «представиться по начальству». Георгий Валентинович вспоминал: «Я имел удовольствие в продолжение почти целой недели вести с ним (Энгельсом) продолжительные разговоры на разные практические и теоретические темы» (Плеханов Г. В. Соч. Т. II. С. 360).

Русский неопит сразу же добился признания со стороны метра; Энгельс пишет Каутскому: «Статьи Плеханова превосходны» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 205).

Дочь Маркса — Элеонора Эвелинг (с которой Плеханов также познакомился у Энгельса и потом продолжал тесно общаться) перевела на английский язык брошюру Плеханова «Анархизм и социализм» и как мастер-переводчик говорила, что его манера писать напоминает ей стиль отца — «дерзкую, веселую прозу».

В июле 1894 года Георгий Валентинович вместе с Верой Засулич еще раз приезжает к Энгельсу; и последний теперь так отзывается о таланте Плеханова: «Не ниже Лафарга или даже Лассаля», а Вере, своей переводчице: «Я знаю только двух человек, которые поняли и овладели марксизмом, эти двое: Мering и Плеханов» (а ведь Георгию Валентиновичу тогда было только 38 лет, и главные его книги еще были впереди).

Когда появилась **главная книга** — «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (названная нарочито академически из цензурных соображений для легальной русской печати), то, по определению ее первого читателя и страстного поклонника Ленина, на этой книге «воспитывалось целое поколение русских марксистов» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 313).

Плеханов становится философом № 1 среди русских и международных марксистов: Ленин по вопросам философии вообще не выступает до 1909 года, а европейская социал-демократия этим вопросом не хочет уделять должного внимания. К. Каутский, редактор крупнейшего журнала „Neue Zeit“, в декабре 1898 года пишет Плеханову: «...большинство наших читателей не может следить за дискуссией (Плеханова с Берштейном, которого первый уничтожил теоретически. — М.К.), так как философское мышление им непривычно» (Цит. по: Иовчук М., Курбатова И. Плеханов. М., 1977. С. 152).

Итак, после ухода из жизни Энгельса теоретическим вождем

марксизма, его **главным** (из живущих) **философом** становится Плеханов (хотя работают и Август Бебель и Вильгельм Либкнехт, кстати, оба горячо одобрявшие философски оснащенную «расправу» русского марксиста над Берштейном и Конрадом Шмидтом).

Действующий в это время в России 25-летний руководитель «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» Владимир Ульянов, в свою очередь, приезжает «представиться по начальству» 39-летнему метру русского марксизма и вручает ему своих «Друзей народа» (напечатанных на гектографе).

Вот впечатления, произведенные каждым из них на другого.

Плеханов (в письме жене из Цюриха): «Приехал сюда молодой товарищ, очень умный, образованный и даром слова одаренный. Какое счастье, что в нашем революционном движении имеются такие молодые люди» (Там же. С. 138).

На молодого Ульянова эта и последующие встречи произвели огромное впечатление, его жена Надежда Константиновна вспоминала: «Владимир Ильич любил людей... любил страстно. Так любил он, например, Плеханова. Плеханов сыграл крупную роль в развитии Владимира Ильича, помог ему найти правильный революционный путь, и потому **Плеханов был долгое время окружен для него ореолом**, всякое самое незначительное расхождение с Плехановым он **переживал крайне болезненно**. И после раскола внимательно прислушивался к тому, что говорил Плеханов» (Там же. С. 139—140).

В конце 1901 года, по предложению Владимира Ильича, был широко отмечен плехановский юбилей — 25-летие его революционной деятельности.

Между тем **вождь-практик** набирал силу, а **вождь-теоретик**, всю свою «марксистскую часть» жизни проведенный в эмиграции и в отличие от Ленина не имевший столь тесной, живой связи с родиной, все более замыкался в чистой теории и борьбе с политическими противниками, капитулянтами, оппортунистами и т. п.

Но на II съезде РСДРП исполнилась заветная мечта и того и другого — **ПАРТИЯ БЫЛА СОЗДАНА!**

Н. К. Крупская вспоминала: «Как мечтал об этом съезде Владимир Ильич! Вся жизнь — до самого конца — он придавал партийным съездам исключительно большое значение; он считал, что партийный съезд — это высшая инстанция, **на съезде должно быть отброшено все личное**, ничто не должно быть затушено, все сказано открыто...» (Там же. С. 190).

Так же страстно, как Ильич, ждал съезда и Георгий Валентинович. Открывая съезд, он, 47-летний вождь, сказал:

«Организационный комитет поручил мне открыть II очередной съезд РСДРП. Я объясняю себе эту великую честь только тем, что в моем лице он хотел выразить свое товарищеское сочувствие той группе ветеранов русской социал-демократии, которая 20 лет тому назад, в 1883 г., впервые начала пропаганду социал-демократических идей в русской революционной литературе (здесь правильно указывается адрес: еще не столько революционная практика, которая только зарождалась, сколько литература, т. е. теория. — М.К.).

...Двадцать лет тому назад мы были ничто, теперь мы уже большая общественная сила, — я говорю это, конечно, имея в виду русский масштаб» (Там же. С. 191).

Поскольку оратор хорошо знает, кто возглавлял эту силу, этот «русский масштаб», то он был горячо и искренно, по словам П. Аксельрода, даже «слепо увлечен» Ульяновым на съезде. А по воспоминаниям Крупской, Владимир Ильич тоже «чувствовал особую близость к Плеханову».

Это был звездный час деятельности Георгия Валентиновича, его историческое начинание завершилось, стало общественной силой, руководителем которой он и передавал эстафету. Это был также недолгий час их гармонии — выдающегося теоретика, философа от русского марксизма и выдающегося практика, стратега и деятеля¹.

На II съезде оба вождя оказались рядом посреди моста Революции через реку Эволюции, а дальше... дальше этот мост стала разводь История. Большая часть молодых революционеров твердо ринулась вперед, «чтобы плыть в революцию дальше» (большевики); меньшая часть, во главе с ветеранами, повернула назад (меньшевики), чтобы двигаться не торопясь к отдаленному «устью» по прежнему своему «берегу».

Плеханов было сделал несколько шагов вперед вслед за уходящими большевиками, но там, сзади, на том берегу, оста-

¹ Хрестоматийно известно, с каким проницательным предвидением отверг Плеханов попытки посеять рознь между ними: «У Наполеона была страстишка разводь своих маршалов с их женами. Тов. Акимов в этом отношении похож на Наполеона — он во что бы то ни стало хочет развести меня с Лениным. Но я проявил больше характера, чем наполеоновские маршалы; не стану разводиться с Лениным и падеюсь, и он не намерен разводиться со мной». В частности, Плеханов горячо защищал ленинскую работу «Что делать?» от нападок «экономистов».

лись все его прежние друзья, соратники по учебе и борьбе, по жизни, и он через некоторое время повернул к ним: «Не могу я стрелять по своим».

Ленин и в этот раз звал его на свою сторону: «Не берите Вы на себя этой ответственности, не уходите...» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 314) — и еще несколько раз предпринимал попытки к контактам, к взаимопониманию; дважды писал, но безответно, все было напрасно... «Нет, не получится теперь, — говорил бывший вождь Г. Т. Линдову. — Я и не ваш, и не их, а так, сам по себе» (М. Иовчук... С. 210).

Почему же все-таки Плеханов не пошел за Лениным?

Думается, однако, что дело не только в том, что «на том берегу» оставались все старые соратники и друзья; в конце концов, и сам Ульянов и ленинцы — все его, Плеханова, ученики — могли бы стать новыми соратниками и друзьями.

Дело, мне кажется, в самом характере, в самой личности Георгия Валентиновича, в весьма существенной части (если не в ядре) отличающейся от личности ленинского типа.

В работе «Основные вопросы марксизма» (1907—1908) Плеханов обращается к знаменитым «Тезисам о Фейербахе», где Маркс, в частности, упрекает старый материализм в забвении следующего момента: если, с одной стороны, люди представляют собою продукт обстоятельств, то с другой — обстоятельства изменяются именно людьми. И автор «Основных вопросов» комментирует: «Задача в том, чтобы объяснить, каким образом «обстоятельства» могут изменяться теми людьми, которые сами создаются обстоятельствами» (Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. М.—Л., 1957. Т. III. С. 170).

В том-то и драма личности Плеханова, что он эту задачу мог решить лишь ЧИСТО ТЕОРЕТИЧЕСКИ, а вот воплощенным образом личности того деятельно-практического типа, который «создается обстоятельствами» и потому в свою очередь может влиять на обстоятельства в желаемом направлении, был Владимир Ильич. Георгию Валентиновичу этого не было дано.

У природы ленинского типа объективная диалектика событий вызывает как бы резонанс в субъективной логике характера, и в этом смысле они «совпадают»; поэтому ТАКТИКА Ленина живо и легко меняется, порою радикально, вплоть до самых крутых поворотов (отступлений то вбок, то назад и т. д.) — параллельно изменившимся обстоятельствам и тем самым

воздействует на нежелательный дальнейший поворот событий¹ (примеры: Брестский мир, политика нэпа).

У Плеханова этого нет; в этом плане он диалектик лишь «в уме» и, увы, одновременно бескорыстнейший доктринер «в душе», то бишь в тактике практической борьбы, в вечно текущей, «протеистски» изменчивой. Так что ему по логике его характера суждено было навсегда остаться НАЧИНАТЕЛЕМ, а не завершителем, хотя на завершение физической жизни было отпущено достаточно. Но его личности это было и не под силу — сделать соответствующие шаги в продолжение его величественного пачала.

Примеры: по крайней мере три важнейших события большой практики истории были им оценены и истолкованы диаметрально противоположно позиции Ленина:

— революция 1905 года, Декабрьское вооруженное восстание, чему Плеханов подвел такой итог: «Не надо было браться за оружие»;

— первая империалистическая война, на всем протяжении которой и во всей мировой прессе, вопреки себе же, теоретик-интернационалисту, он ратовал «за освободительную войну» России и Франции против Германии;

— Октябрьская революция; находясь уже в самом сердце революции — Петрограде, он совсем иначе, чем Ленин, истолковал стук этого сердца, и на третий день после свершившейся революции (идея которой была посвящена вся его самоотверженная жизнь) он обращается с «Открытым письмом к петроградским рабочим» (28 октября 1917 г.), в коем заявляет, что Россия еще не доросла до социалистической революции и что она ее «считает преждевременной» и она «его огорчает».

По всем этим важнейшим вопросам большой практики истории Ленин был антиподом Плеханову. Более того, гибко меняя тактику в соответствии с обстоятельствами, он во главе той

¹ О людях, лишенных тактического таланта, Владимир Ильич говорил: им «недостает фермента, толчков, импульсов. Не умеют люди действовать и бороться сами... Некому влить дух бодрости, поставить вопрос принципиально... В политической борьбе остановка есть смерть» (Из письма А. В. Луначарскому 2.VIII.1905 г.//*Полн. собр. соч. Т. 47. С. 53*).

«...Тактика хранения (в консервах) революционных слов 05–06 годов вместо применения революционного метода к новой, иной обстановке, к измененной эпохе, требующей иных приемов и иных форм организации, это тактика мертвая» (Из письма А. М. Горькому, июль 1909 г.//*Полн. собр. соч. Т. 47. С. 222*).

Так может говорить и действовать только ТАКТИЧЕСКИЙ ГЕНИЙ, — по это, однако, чревато тем, что цель легко начинает оправдывать любые средства, вплоть до вероломных и жестоких (см. об этом в конце данной главы).

части партии, которую сумел убедить и увлечь за собой авторитетом своей личности, влиял на каждое из этих событий; теория работала как практическое руководство («Апрельские тезисы») либо непосредственно воплощалась в практику, и реальное созидание отменяло предварительное теоретизирование («на тему») («Государство и революция»).

М. Горький чутьем художника глубоко ухватил эту противоположность вождей. В своем проникновенном очерке о Ленине он говорит о Георгии Валентиновиче так: «Талантливейший литератор... основоположник партии, он вызвал у меня глубокое почтение, но не симпатию... факт остается фактом: редко встречал я людей до такой степени различных, как Г. В. Плеханов и В. И. Ленин. Это и естественно: один заканчивал свою работу разрушения старого мира, другой уже начал строить новый мир».

Подведем итог.

Плеханов — великий ум, блестящий философ-марксист (единственный в своем роде после основоположников); гуманный политический деятель, не жертвующий нравственностью во имя победного направления, движения событий.

Ленин — великий ум и блестящий стратег, гений тактики, ум которого материализуется в соответствующих действиях, что только и может увлечь за собой, заразить, убедить или переубедить — вне зависимости от общечеловеческих, нравственных критериев.

Плеханов — НАЧИНАТЕЛЬ, Ленин — СВЕРШИТЕЛЬ.

Свершитель обрастает сторонниками, как снежный ком с горы; начинатель на каком-то этапе теряет и тех немногих, что были в начале, затем остается в финале, как одинокое дерево на горной вершине¹.

В силу описанного выше «распределения гениальности» основоположников русской школы марксизма вполне естественно, что основное философское наследие принадлежит именно

¹ Финал жизненной судьбы Георгия Валентиновича горек и трагичен. После победы Февральской революции, через 37 лет эмиграции, он вдвоем с женой прибывает в Петроград 1 апреля 1917 г. Но не принятый большевиками, основоположник российского марксизма умирать остался... за кордоном, в недружественной тогда Финляндии, совсем один, наедине только с женою (неизменной и верной подругой Розалией Марковной). После смерти (от чахотки) тело еще лежало 5 дней в погребке со льдом (июнь 1918 г.), потому что жена не знала, что с ним делать, где хоронить... пока Советское правительство не нашло способ договориться с финляндским о перевозе тела в Петроград.

Плеханову, что было абсолютно ясно Ленину и на что он неустанно указывал. В 1921 году в работе «Еще раз о профсоюз-зах...» он писал: «...*нельзя* стать сознательным, *настоящим* коммунистом без того, чтобы изучать — именно *изучать* — все, написанное Плехановым по философии (а это более 1000 страниц — добавлял он в другом месте. — М.К.), ибо это лучшее (!) во всей международной литературе марксизма» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 290). Он высказал четкое пожелание, чтобы труды Плеханова были изданы с необходимыми комментариями и обязательно изучались в учебных заведениях.

Мера значительности теоретического ума во многом определяется силой его исторического предвосхищения. Сейчас, когда социализм вступает в девятое десятилетие века и спустя столетие после первых плехановских работ, открывается поразительное предвидение Георгия Валентиновича.

В 1885 году в работе «Наши разногласия» автор пришел к выводу, который ляжет в фундамент меньшевистской платформы. Торжество капитализма в России будет непродолжительным, ибо революция неизбежна, но он предостерегал от скоропалительных социалистических экспериментов. Увлечение же революционным запалом приведет к преждевременному захвату власти кучкой революционеров, которые непременно станут декретировать социализм. В этом случае «совершившаяся революция может привести к политическому уродству, вроде древней китайской или перувианской империи, т.е. к обновленному царскому деспотизму на коммунистической подкладке».

Разве это не точное предвидение — за полстолетия — феодал-социализма?!

После 1901 года Плеханов полагал, что буржуазно-демократический и социалистический этапы революции «по необходимости будут отделены один от другого значительным промежутком времени». Именно поэтому в своей газете «Единство» (1917 г.) он и назвал «Апрельские тезисы» — «бредом» вроде гоголевского Поприщина, ибо «...русская история еще не смогла той муки, из которой будет со временем испечен пшеничный пирог социализма...».

Плеханов утверждал, что для установления социалистического строя необходимы как минимум два непеременимых условия:

а) высокая степень развития производительных сил (мы выше видели, что вслед за Марксом его русский последователь полагал сие краеугольным камнем развития);

б) высокий уровень сознательности у трудящегося населения.

Поскольку же в России пока нет ни того, ни другого, то начинать толковать об организации социалистического общества сейчас, сразу — значит «вдаваться в несомненную и притом крайне вредную УТОПИЮ» (выделено мною. — М.К.).

Как показала последующая история 30-х годов, именно такого рода утопическим самообманом оказались охвачены гигантские массы людей, вредность чего открылась только позже, да и то (до сих пор!) не всем носителям этого утопического социалистического сознания...

Увлеченные революционным процессом, резонировавшим с настроением гигантских масс, большевики, увы, пренебрегли этим мудрым предостережением и впали-таки в «крайне вредную утопию» — военный коммунизм. Отрезвление наступит только после громадных жертв и почти полного разрушения производительных сил, и только после 1922 года Ленин в своем «Политическом завещании» (так Бухарин назовет серию его статей и заметок этого времени) поставит проблему преодоления «азиатщины» и проблему культурной революции как инструмента этого преодоления.

В «Открытом письме к петроградским рабочим» после Октября глава меньшевизма предрекал гражданскую войну, которая, указывал он, заставит отступить далеко назад от позиций, завоеванных в Феврале.

Наконец, Плеханов предрекал бонапартизм в большевистской партии, которая действует методом «раскассировывания» всех недовольных (в том числе меньшевиков), всюду сажая свои «креатуры», что обеспечивает ей большинство на съезде. «Тогда у нас, действительно, не будет в партии ни большинства, ни меньшинства, потому что тогда у нас осуществится идеал персидского шаха» (Плеханов Г. В. Сочинения. Т. XIII. С. 90).

Железная логика теоретического ума подсказала и все основные последствия осуществления Утопии, того, что произойдет в 30—50-х годах. «Если бы наша партия, в самом деле, наградила себя такой (бюрократически-иерархической. — М.К.) организацией, то в ее рядах очень скоро не осталось бы места ни для умных людей, ни для закаленных борцов: в ней остались бы лишь лягушки, получившие, наконец, желанного царя, да Центральный журавль, беспрепятственно глотающий этих лягушек одну за другой» (Там же. С. 92).

тральный журавль, беспрестанно глотающий этих лягушек одну за другой» (Там же. С. 92).

Последнее предсказание просто убийственно в своей исторической прозорливости!

Чтобы понять причины исторической прощательности Плеханова-политика, надобно изучить Плеханова-философа, а затем поставить вопрос о возрождении этого значительнейшего духовного наследия нашей нации.

Но для тех, кто воспитывался на так называемой «марксистско-ленинской философии» эпохи сталинизма и пост-сталинизма, стало чем-то естественным прямо противоположное, а именно: из целой серии философских работ Плеханова учащиеся знакомят только с двумя — «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и «К вопросу о роли личности в истории», и то в разделе «Дополнительная литература», а в «Основной литературе» (подчеркиваю: по философии!) указываются десятки ленинских работ по политической тактике, прямого отношения к философии вовсе не имеющих.

Вместо того чтобы превращать ленинизм в нечто вроде политической «религии», молиться на вождя и бить поклоны перед каждой походкой оброненной им фразой, из которой «выводится» целое «учение» (например, «теория отражения», «пенсионерность электората», «учение о материи», «учение о диалектической логике» и т.д. и т.п.), лучше бы открыли самого Ленина и прочитали у него, что он сам думает о своем отношении к философии в тот короткий период — 1908—1909 годы, когда он ею вынужден был заняться.

До 1905 года было просто недосуг. Он пишет А. В. Луначарскому — одному из трех сподвижников (наряду с А. А. Богдановым и В. А. Базаровым), которые профессионально занимались философскими вопросами: «Бросьте-ка Вы лучше пока ответ Плеханову: пусть этот обозлившийся доктринер лаетя себе. В такой момент залезать специально в философию?! Надо всю работу для с.д. — не забывайте, что Вы ангажированы на все Ваше рабочее время» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 62).

Самому Плеханову в это же время он пишет: «Вы считаете ошибочными философские взгляды названных трех (А. А. Богданов занимался эмпириомонизмом, А. В. Луначарский — богостроительством, В. А. Базаров (Руднев) — механизмом. — М.К.). Но и эти трое не пытались и не пытаются связать эти свои взгляды с каким бы то ни было официально партийным

опыт страшно нужны русскому пролетариату...» (Из письма Г. В. Плеханову, октябрь 1905 г. — Там же. С. 104—105).

В этот период Ленин еще не связывает философию с партийно-политической работой и защищает своих сподвижников по партии, по совместной тактике, хотя их философские взгляды погружены в идеализм и религию; в то же самое время он борется с меньшевистской тактикой Плеханова, глубоко уважая при этом его ортодоксальный философский марксизм.

Как и почему это было возможно? А вот почему. В 1908 году с присущей Владимиру Ильичу искренностью и откровенностью он пишет чрезвычайно уважаемому им М. Горькому, тесно с ним сотрудничающему по разделу критики:

«Третий сюжет — философия. Я очень сознаю свою неподготовленность к этой области, мешающую мне выступать публично. Но, как рядовой марксист (? — т.е. прежде всего знаток Марксовой политэкономии и партийно-политической борьбы. — М.К.), я читаю внимательно наших партийных философов, читаю внимательно эмпириомониста Богданова и эмпириокритиков Базарова, Луначарского и др. — и все мои симпатии они толкают к Плеханову!.. Тактика его — верх пошлости и низости. В философии он отстаивает правое дело. Я — за материализм против «эмпирио-» и т. д. Можно ли, должно ли связывать философию с направлением партийной работы? с большевизмом? Думаю, что теперь этого делать нельзя (? — М.К.). Пусть наши партийные философы поработают еще некое время над теорией, поспорят и ... договорятся. Я бы стоял пока (!) за отделение таких философских споров, как между материалистами и «эмпирио-», от цельной партийной работы» (Письмо А. М. Горькому 7. II. 1908 г. — Там же. С. 134—135).

Через несколько дней в весьма просторном письме к тому же адресату он объясняется подробнее и еще исповедальнее.

«Философией заниматься в горячке революции приходится мало... Книга «Очерки философии марксизма» (1908 г., где наряду с указанной «тройкой» участвовали также Я. Берман, П. Юшкевич, О. Гельфонд и С. Суворов — все махисты. — М.К.) сугубо обострила давние разногласия среди беков (большевиков) по вопросам философии. Я не считаю себя достаточно компетентным по этим вопросам (!), чтобы торопиться выступать печатно. Но следил я всегда за нашими партийными прениями по философии внимательно, — начиная с борьбы Плеханова против Михайловского и К^о в конце 80-х и до 1895 года, затем борьба его же с капитанами 1898 и след. годы... наконец, борьба его же с эмпириокритиками и К^о.

...Я... писал ему (Богданову)... что он меня своими писаниями сугубо разубеждает в правильности своих взглядов и сугубо убеждает в правильности взглядов Плеханова.

...Летом 1903 года мы с Плехановым от имени редакции «Зари» беседовали с делегатом от редакции, причем *согласились* сотрудничать, я — по аграрному вопросу, Плеханов *по философии против Маха*.

...Летом 1906 г. ...стало ясно (Богданову, автору «Эмпириомонизма», третий выпуск которого тот презентовал Ленину. — М.К.), что он идет архиневверным путем, не марксистским. Я написал ему тогда «объяснение в любви», письмо по философии в размере трех тетрадок. Объяснял я там ему, что я, конечно, *рядовой марксист* в философии (из всех этих настойчивых повторений на примере самого Владимира Ильича следует сделать вывод, что можно быть «рядовым марксистом», даже не владея марксистской философией как таковой, — вывод, между прочим, весьма важный ныне для демократических партий в развивающихся странах. — М.К.) ... Сии тетрадки показал я некоторым друзьям (Луначарскому в том числе) и подумывал было напечатать под заглавием: «Заметки рядового марксиста о философии» (!!!), но не собрался.

...Теперь вышли «Очерки философии марксизма». Я... с каждой статьей прямо бесновался от негодования. Нет, это не марксизм! Нет, это уж чересчур. Конечно, мы рядовые марксисты, люди в философии не начитанные, — но зачем уж так нас обижать, что подобную вещь нам преподносить как философию марксизма!»

Поразительная ленинская настойчивость в этом вопросе, отличавшая его, впрочем, всегда и всюду, была вызвана, конечно, не простой любознательностью: **Плеханов обвинял Ленина в беспринципности** за участие в газете вместе с «эмпириомонистами» и «декадентами» (*Дневник Социал-демократа, 1905, заметка № 3*).

«...Меня опять потянуло к «Заметкам рядового марксиста о философии» и я их начал писать» (*Там же. С. 141—143*).

Эти «Заметки» через несколько месяцев выльются в книгу «Материализм и эмпириокритицизм» (с несколько видоизмененным подзаголовком «Критические заметки об одной реакционной философии»), которую он и предложил в издательстве «Знание», во главе которого стоял адресат его письма — М. Горький совместно с К. П. Пятницким. Однако ленинский адресат в качестве издателя проявил куда меньшую лояльность, нежели страстный вождь большевиков: Горький сообщил Пятницкому, что он ПРОТИВ издания книги Ленина, с философскими взглядами которого не согласен. И книга вышла только с третьей или даже четвертой попытки в начале мая 1909 года в издательстве «Звено» (Москва).

Любопытно, что кажущаяся странной ленинская философская лояльность (странной потому, что она противоречит его же принципу партийности философии, впрочем, эти крутые

повороты отвечают гибкости, протезизму политической тактики и всецело подчиняются ей!) в этот период распространяется и на искусство: «Я считаю, — пишет он Горькому, — что художник может почерпнуть для себя много полезного во всякой (?) философии. Наконец, я вполне и безусловно согласен с тем, что в вопросах художественного творчества Вам все книги в руки и что, извлекая *этого* рода воззрения и из своего художественного опыта, и *из философии хотя бы идеалистической*, Вы можете прийти к выводам, которые рабочей партии принесут огромную пользу» (*Там же. С. 143*).

Такую же лояльность он проявляет и в отношении идеалистической философии во имя того, чтобы не расколоть своих сподвижников: «Мешать делу проведения в рабочей партии тактики революционной социал-демократии ради споров о том, материализм или махизм, было бы, по-моему, непросительной глупостью (??). Мы должны подражаться из-за философии так, чтобы «Пролетарий» и беки как фракция *партии не были этим задеты*. И это вполне возможно» (*Там же*).

Но вскоре это оказалось невозможным, и уже в июне 1909 года (после выхода «Материализма и эмпириокритицизма», жестоко раскритикованного Богдановым в специальной брошюре) на совещании расширенной редакции «Пролетария» Богданов был исключен из большевистской партии.

Теперь ленинский взгляд стабилизировался, он уже более не отделяет марксизм как политику от марксистской философии и заражение марксистов-большевиков иной философией полагает вредным и исключаящим принадлежность к самому марксизму: «Есть философский материализм Маркса и Энгельса, но нигде нет «философии пролетарской борьбы» (из недр которой уже тогда начали пробиваться ростки будущего Пролеткульта. — М.К.) ... А выдумкой этой особой философии (потом это будет пролетарская культура. — М.К.), которая чем чаще божится словом «пролетарская», тем дальше она от пролетарского мирозерцания, занималась и занимается только указанная группа членов (теперь уже исключенных из партии большевиков. — М.К.) новой фракции» (*Письмо ученикам Каприйской школы 30.VIII.1909 г. — Там же. С. 202*).

Возникает вопрос: отчего это Владимир Ильич Ульянов, глава революционно-марксистского движения, человек образованнейший и начитаннейший, вдруг полагает себя, так сказать, «рядовым шахматистом» в «чемпионате» по философии, когда

он по меньшей мере «гроссмейстер» в свои 38 лет (автор «Друзей народа», «Двух тактик», «Экономического содержания народничества», «Что делать?» и других работ, признанных и поддержанных, оказавших свое решающее влияние на судьбы большевизма, — мы здесь рассматриваем только его теоретическую деятельность?)!

Разумеется, приведенные выше признания, которые выглядят как своего рода самоговор (может быть, поэтому их никогда никто не касался в нашей общественно-философской литературе), были по-своему уникальны: это как бы **исповедь духа** перед уважаемым, близким и любимым писателем — сподвижником по политическому журналу. А если это так, то исповедь — это ведь и взгляд на себя чуть со стороны, благодаря обнажению своего духовного алькова перед другим лицом.

Безусловно, он — гроссмейстер по сравнению с сотнями и тысячами действительно «рядовых марксистов», но по сравнению с основоположником — доктором философии Марксом и нынешним «чемпионом мира» в Марксовской философии — Плехановым он все равно что рядовой. По крайней мере, по видимому, так представлялось тогда ему самому, и это явилось могучим внутренним стимулятором для неустанной работы над собой специально по разделу философии.

Произведения основоположников, а также Фейербаха и Плеханова Владимир Ильич штудировал и раньше, еще в сибирской ссылке. Сейчас, в 1908 году, он вновь садится за эти книги, добавив сюда труды И. Дингена, «Основные вопросы марксизма» Плеханова и более 200 работ по западной философии и философии современного естествознания, — все это плацдармы для массивной атаки во всеоружии специального знания на «эмпирию».

«Материализм и эмпириокритицизм» (книга закончена в октябре 1908 г.) — это, если продолжить шахматную терминологию, своего рода матч на первенство мира среди философов, принадлежащих к марксистской партии. Ленин выходит, наконец, против «самого» Плеханова, ставя себе **те же задачи**: тоже **полемика**, тоже с **махистами**, тоже на **историко-философской** базе и плюс сверх того от себя — на базе данных **современной науки**, прежде всего физики, — только, по его собственному определению, без плехановских «философских тонкостей», непонятных широкому читателю (См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 151).

Берусь утверждать, что элемент здорового соперничества с первым русским метром марксизма присутствовал у Ленина всегда (это и психологически вполне отвечает его бойцовой натуре). В политике и тактике Плеханов, который «не мог стрелять по своим», бывал им «бит» зачастую и давно уже не представлял серьезной конкуренции, но вот в философии — совсем другое дело. И время от времени в ленинских работах проскальзывает затаенное желание «догнать и перегнать» метра и в этой области, что выражается в вылавливании им у Плеханова уязвимых мест.

Так, первые выступления Ленина против «плехановской диалектики» относятся еще к 1905 году, когда тот не принял первую русскую революцию, этим и был продиктован соответствующий выход его на «организационные туманности» «Искры» — что, впрочем, является еще вопросом не столько собственно философии (диалектики), сколько опять-таки политики (тактики), где сила была явно не на стороне Плеханова (См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 370).

Затем в 1906 году Ленин «бьет» Плеханова за попытки скрыть истину за логическими приемами и называет это «образцом худшего, незуитского доктринерства»: любящий «пышно декламировать» против метафизики Плеханов не может изгнать ее из своих собственных конкретно-исторических рассуждений (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 145, 222).

Наконец, в «Материализме и эмпириокритицизме» появилась возможность «поймать» Плеханова на некоторых философских неясностях или даже ошибках.

В одном месте Ленин указал на ошибку относительно плехановского понимания «опыта» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 155), хотя, вообще говоря, это не ошибка как таковая, а, скорее, неясность при рассмотрении понятия, к тому же буквально в одной-единственной фразе.

Затем «плехановские иероглифы», о которых сам автор потом сожалел, что «выразился еще не совсем точно», то есть тут ошибка герминологического характера, но ни в коем случае не гносеологического (Там же. С. 412).

Все это указывает на то, что Ленин исключительно придирчив к бывшему своему учителю, впрочем, психологически это вполне понятно.

В связи с предисловием Плеханова ко 2-му изданию переведенного им энгельсовского «Людвига Фейербаха» Владимир

Ильич замечает: «Как мелки его выходки и «уколы» против махистов! Для меня они тем досаднее, что, по существу, критика Маха мне кажется у Плеханова верной» (*Ленинский сборник. Т. XXVI. С. 21*).

Наконец, самый весомый упрек состоит в том, что Плеханов, разбирая махизм (напомним, что Эрнст Мах был прежде всего крупный физик), в сущности, игнорирует связь его с новейшими школами в физике. Упрек безусловно очень серьезный, но сделан на редкость в резкой форме; это, говорит Ленин, «значит **издеваться** (?) над духом диалектического материализма», по-скольку, по Энгельсу, с каждым составляющим эпоху открытием даже в естественно-исторической области материализм неизбежно должен изменять свою форму.

Итак, на базе философски переосмысленной современной научной картины мира Ленин дал грубовато разящую критику махизма без плехановских «философских тонкостей».

Но тонкость грубостью никогда не одолеешь, и, хотя Плеханов одобрил в целом эту книгу и плехановцы тоже, хотя и не без оговорок и критических замечаний¹, сам Владимир Ильич, по-видимому, не был вполне удовлетворен. Он, весьма самокритично относящийся к себе человек, не мог не видеть, сколь легок и раскован полет плехановской философской мысли, сколь насыщен ассоциациями, фундирован онтологическим подходом; противников он ниспровергает разяще, но всегда изяшно, — и все это благодаря высокой рафинированной философской культуре его мышления.

Когда Владимир Ильич это, вероятно, понял, он, «гроссмейстер» в философии и в политэкономии и «абсолютный чемпион» в политике, садится в 1914—1915 годах еще раз за философское самообразование, причем именно за ту (преимущественно) литературу, отсутствие или недостаточное «пульсирование» которой он обнаружил у Плеханова.

Во-первых, как отмечает он для себя: «Плеханов написал о философии (диалектике), вероятно, до 1000 страниц (как знаем мы теперь, гораздо больше. — М. К.). Из них о большой Логике (Гегеля), по поводу нее, ее мысли (т. е. собственно диалектика как философской науки) nil (ничего)!!» (*Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 248*).

И Ленин посвящает конспектированию (с анализом) гегелевской «Логике» 150 страниц текста, а всего Гегелю — 250 страниц — львиную долю своих «Философских тетрадей».

Во-вторых, читая статью А. Деборина «Диалектический материализм» (1908 г.), из которой в 1909 году вырастет одноименная книга с предисловием Плеханова, и ругая первого за «тарабарский язык», Ленин натывается на место, где говорится о сущности нового течения в области естествознания, и отмечает на полях: «Ага! Плеханов молчит об этом «новом течении», не знает его» (*Там же. С. 532*).

И Ленин составляет обширную библиографию книг по философии естествознания в Сорбоннской библиотеке, а также выделяет **10 философских течений современной мировой мысли** (*Там же. С. 341*).

В-третьих, в замечаниях на книгу Плеханова о Чернышевском в «Философских тетрадях» подчеркнута следующая мысль: «Подобно своему учителю (Фейербаху), Чернышевский тоже сосредоточивает свое внимание почти исключительно на «ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ» деятельности человечества...» Эту плехановскую мысль Ленин обращает против самого автора: «Таков же недостаток и книги Плеханова...» (*Там же. С. 550*).

Наконец (и это особенно важно для нас сегодня, для перестройки нашей общественной науки), Ленин видел дальнейшее «продолжение» дела Гегеля и Маркса в «диалектической обработке истории человеческой мысли, науки и техники» (*Там же. С. 131*), подчеркивая необходимость собственной истории (выделено мной. — М. К.) каждой общественной науки, начиная с истории философии (*Там же. С. 314*).

Вот в чем, как представляется сегодня, состоит интересующее нас содержание «Философских тетрадей» (плюс единственный самостоятельный фрагмент на 6 страницах «К вопросу о диалектике»), которые, по мнению их издателей в 1977 году, «составляют основу (?) ленинского этапа в развитии марксистской философской мысли» (*Предисловие. Т. 29. С. VIII—IX*).

Такое заявление кажется несколько странным. Каким образом плоды «внутренней» работы автора над собою, сугубо для себя (никак не предназначенные ни для публикации, ни для постороннего взгляда вообще — даже в наших нескольких выписках мы встретились с сугубо личными моментами) — этот своего рода философский дневник для «уяснения вопроса само-

¹ См.: Аксельрод Л. И. (Ортодокс) // Современный мир. 1909. № VII; Авраамов А. И. // Возрождение. 1909. № 7—8.

му себе», как любил говаривать Маркс¹, — могут быть **основой** или хотя бы входить в основу в качестве ее важнейшего компонента?

Подобное заявление было, по-моему, ошибкой издателей в форме «еще одного» посмертного «комплимента» ленинской мысли, каковая в комплиментах не нуждается. Вместо этого, наверное, следовало бы просто сказать о раскрытии **творческой лаборатории** автора «Философских тетрадей», которая, как и у любого **великого человека**, всегда представляет интерес: над чем и как именно работала ищущая пытливая мысль, как шел процесс искания истины, столкновения и спора с другими (конспектируемыми) авторами или мышления в унисон с ними и т. п. Это замечательно интересно, но не более того. Это не созидание основы; не надо все превращать в икону и все апологизировать, ибо апологетика только оглушает свой предмет...

Ленин замечает в одном месте своих «тетрадей», что **Маркс не оставил «Логик»** (с большой буквы, т. е. подобно Гегелю. — М. К.), но он оставил логику «Капитала»... (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 301).

Ленин — Маркс XX века в политике — не оставил нам своей «Диалектики» (написать которую предполагал) как готовый плод, как учебник и т. п., но, фундировав свой недожитый политико-экономический и политический ум философией (следы чего можно отыскать, в частности, и в «тетрадах»), он оставил диалектику своих послеоктябрьских работ, прежде и более всего **диалектику 45-го тома** (вот это, наверное, и следует считать «основой ленинского этапа»)².

¹ Ведь и у Маркса были свои «философские тетради», причем отнюдь не только юпошеские, ну, скажем, конспект с критическим комментарием книги Бакунина «Государственность и анархия» (конспект 1874—1875 гг., т. е. 57-летнего Маркса). Но до сих пор издателям не приходило в голову, собрав их вместе, включить в «основу» марксизма, «Марксоваго этапа» и т. п. Например, названная «философская тетрадь» послужила некоторым исходным материалом и отправной точкой для создания их с Энгельсом совместной работы «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих», но не «стела же в основу» этой работы!

Конспекты, выписки с комментариями, заметки на полях и пр. — это интеллектуальная «кухня» ученого, философа, и здесь, как и всюду, по плодам узнаете их, т. е. по **готовым плодам** и «блюдам», а не заглянув «на кухню».

² Начиная с философии и политики зна (доклад XI съезду) и включая всю серию последних работ, посвященных вопросам **политики и культуры социализма** (которые мы подробно рассмотрим ниже, «советуясь» с Владимиром Ильичем, как нам быть нынче и завтра).

Эту «Диалектику» как учебник потом, в период сталинизма и постсталинизма, написали коллективно наши академики — известно, что из этого вышло...

Но ведь есть плехановская собственно философская диалектика (в здоровом соперничестве с которой рождалась ленинская), почему же мы ее знаем так плохо? Почему, скажем, нет до сих пор даже полного собрания сочинений ее автора с соответствующим современным научным аппаратом? Скажем, плехановская «История общественной мысли в России», столь нужная в учебных целях, является библиографической редкостью.

Итак, подведем итог.

Именно философская, культурная, глубокая фундированность позволяет политикам избежать соблазнительного впадения в УТОПИЗМ, рано или поздно (конечно, лучше раньше) останавливает авантюрный революционистский энтузиазм, убеждающий лидеров движения в том, что они-де «рождены, чтоб сказку сделать былью», а вековые чаяния русского народа осуществить как бы по щучьему велению.

Поэтому-то Плеханов — повторим еще раз — и завещал, что при недостаточной развитости производительных сил и уровня сознательности трудящихся «не стоит вдаваться в несомненную и крайне вредную утопию».

Но так думал не один только Плеханов, абсолютный лидер меньшевизма, к этой мысли так или иначе склонялось большинство меньшевиков. Поскольку наши историки и даже нынешние публицисты об их взглядах до сих пор не поведали ровню ничего конкретного, то возникает необходимость остановиться на них специально (хотя автор, не будучи историком, собирается рассмотреть этот материал не столько в деталях, сколько концептуально и кратко).

Меньшевики

Группа Плеханова «Единство» (в которой были крупные деятели революции — Вера Засулич, Григорий Алексинский, Федор Дневницкий, Петр Маслов) стояла вне партийной организации, как таковой; немногочисленная и менее влиятельная в реальной политике, чем другие меньшевистские группы, она жила главным образом личным влиянием ее основателя. Последние значительные политические выступления Плеха-